

ЗАПОВЕДНЫЙ СКАЗ

- Я тебе пофилистоню! Я тебе пофилистоню! Тебе говорено, что все слова уже энтим нашим народом придуманы. Филистонит он! А-а- а... пчи...пуй!

Видишь, сморкалка, сколько пыли ты с печи вздыбонил.

Аж в носу а-а-а... пчи...муй...вздребеднуло! Пожалел бы бабку-то. Бабка-то к тебе с добром только. Другая бы давно уж на лопату, да в ту печь, на которой уж сколько валяешься. Сколь, спрашиваю, валяешься?

- Дак ты же меня, бабауля, укочевряживать начала. Тебе и знать времена.

- Я-то знаю. А ты, голубь, с таким сном непрерывным...

- Летаргическим.

- Вот-вот. А разобраться, так суперматическим. Я как-то раз проконтролировала.

- Ты, бабауля...Ты...Ну, хорошо. Но ведь договорились же, в контексте – без мата. Только когда чихаешь.

- И эх, хлопец. Все в твоей бедной головушке за эти годы, видать, перемешалось. Как в одном известном доме. Вот ведь дома были. Реализм, что говорить. Не то, что в твоём засраном...как это называлось-то?

- Жанр назывался фэнтази.

- Тьфу, Господи, б...б...Ильюха, дай запить... гадость... ну-ка, еще глоточек... а нет, ничего... скотч? скотч... майн готт! фэнтази! какая профанация. Как вспомню, чем ты занимался, так и всякая охота гутарить с тобой испаряется, как те мои золотые цервонцы в Москве. Нет, правильно, правильно, я тебя на печь-то закатала. Мудрая Яга, кто бы что про нее не говорил.

- Ну да. Сама себя не похвалишь... И правда, как это ты догадалась – на печь, а не в печь.

- Трезвый расчет. Про любовь, Илья, ни намека. Так, ну-ка окатынь... Тихо! Слышишь?

- Слышу. Летит, птица моя, какотуля распрекрасная.

- Та-ак. Хреновенький неологизм. Дай-ка я тебе чпорик поставлю. Подожди, как летит!? Как летит!? Мы же с тобой еще не...

- Дак меньше надо было фитьпиритить. Вот и живи теперь со Змеем.

- Твою мать! Да осточертел мне Змей этот. Ты-то вот не знаш... Или ты знаш?

- Со Змеем? Да нет, как-то, - вдруг застеснялся Илья.

- Нет, точно не знаш. Иначе... Ведь этот мунпед что вытворяет!

- Да ты говори! Ну! Говори! А то меня аж корёжит от перекуя!

- У Горыныча, паразита, как у любого представителя мунпедов, внесистемная фантазия. Он, когда энтим, паанимашь, занимается, партнера кем только не представляет. Ну а сила-то нечистая, вот в того и превращаешься, кого он представил. За одну ночь я, уважаемая бабушка с Лысой, Яга вечно ничнятая, кем только не была: то заквакаю, то захрюкаю, ну, это хоть пол мой. А так, было, что и конём ржала два часа, иначе он, видите ли, не согласен. А не дай Бог синхрон соьбётся, тогда... тогда, охти, вообще тушите свет!

- Не понял...

- Конечно, не понял. Кто не был – не поймет, а кто был – никогда не забудет. Ты вспомни, престоноп, сколь у Горыныча голов? Три! Ну, кода в обычном режиме, то все три кого-то одного представляют. Ниче, даже заводит где-то. Но бывают, как и в любом

живом организме, сбои. И вот по одной голове президент Аргентины соколятничает, где-то он недавно, видать, узрел её, по телику, где ж ещё, по второй – профессорша из Института космических исследований, её исследоват, а по третьей полная чума – прапорщик Овсиенко визжит орет командует «...повзводно...на одного линейного дистанции, первый взвод – направо, остальные – прямо...» Чё за хрень, до сих пор не знаю. Оргия чо ли кака... Прапорщик этот, маленькое такое чмо, поганое, противное... До сих пор в глазах стоит, гедонист хренов, гаркуша армейская. Обстановка такая, теряешься, кто ты сей момент как с кем куды чево на каких таких основаниях? Совести уже не только юридической, гражданской не остается! Короче, фестивалит – помрешь со смеху. А позы! А позы! Кака там Камасутра! С этим Башкуищем ни одна Камасутра особо-то не расширится. Кривой черт. Григопакостный. Господи, что за язык-то у меня! Перпетуум брнобеле, а не язык. За куретопом про собственно здоровье забыла. Может успеем? Пока посадка, потом еще сопла пока загаснут...

- Ну нет. Я эти вещи второпях не делаю. Принципиально.

- Вот я тебе твою хореографию-то откручу, пока ты спать-почивать будешь. Принципиально.

- Ты, бабкауля, даже не шути так. Ведь знаешь же, что будет, если мой заксенбург почит в бозе. Где твоя историческая память?! Ну! Векторально в сторону нижнего горизонта...

- Векторально, орально... Ладно. Помню, как не помнить. Вздвбятса земли, повернут реки вспять, пойдет навстречь океан к морям волной архивеликой, как шампанское, пенной. А мы все в геене огненной. А может, и правда, кончить все разом!? И шампань потом, как реку Энгажемо, бурным потоком, с гор бодайбинских, на витимо-патомскую, пока сверхновая не зажжется! Геена огненная. Гуляй, Рассея, а?

- Бабауля! Бабауля! Да она сей же час и улетит. Что за мысли такие! Не пугай ты меня, родимая.

- Да знаю я, сей же час! Пока не измочалит тебя, не отступится.

На поляну совершает вертикальную посадку миниатюрная ракета «земля-воздух». На ней конское седло, богатое, отороченное серебряными нитями. В седле пракакая-то внучка бабы Яги, Антонина. Она в униформе фривольной, соломенные локоны очень подходят к красивому загорелому лицу девушки. Молодая ведьма ловко соскакивает в растущие на поляне жарки, и громко кричит: «Бабока! Слетай за мелаками. Да не тормози, не строй из себя геронтологию, по сказкам любой поц знает, что ты вечно ничнятая. Краса бессмертная, давай, геть за мелаками, давай, досвиданья, ча бамбино сорри. Вот, мерж, смешала таки тувинский с итальянским. Как говорил мой япошка Мураки, а-а-агромный словарный запас. И весь здесь, в зо-пе. А показывал на голову. Ужо ему в нашей-то, рассейской печке жариться было. Вкуснятина... Илья! Подь сюды! Да ты никак в портках еще! Нет, посмотрите на этого букарея! Не слышал, что ли, что моя гората подлает! Иль тебе этот урод мохнатый на ухо наступил? Позавчера ему самому уши драла. Теперь вот где-то в буреломе прячется, плачет, воет от обиды, психологическая деформация, кору дерет, неврастеник. Представляешь, девственником оказался. А, ладно, пущай его. Надо иногда их в зиккурат приводить. К алтарю счастья. И лучше я, чем кака - нибудь сучка сопливая. Урки, бурки, рыжие каурки... Ай ты против, богатырь боблатый? Так у нас и с тобой может быть кривотолк десноватый. А то вас-то, крутых и поджаристых, много, а я одна такая, пикатая. Ну, еще, вот бабока. Так он а уже не все может держать под контролем. Вот и приходится самой воократить ежесекундно».

- А кто на хозяйстве остался? – Спрашивает Баба Яга.

- Ты еще здесь, попочка крашенна. Не посмотрю, что бабока, отчпорю, мартиника серавная, в момент...

Тут с ее бабокой начинает происходить что-то невероятно страшное. Раздуваются ноздри, из них время от времени вылетают искры, сама Яга начинает трястись, от гнева, руки, и так немолодые, скрючиваются, глаза пучатся...

- Ладно, ладно, ладно...- идет на попятную пракакая-то внучка, - но ты тоже хороша. Сама тут расфилистонилась с Ильюхой, куретоп у них скряшный, видите ли, а какой может быть настоящий куретоп с энтим скрякаличником, с боблатым?! С ним раз-два, хореографию подняла, и в кубрик. До утра «яблочко» танцевать. И весь куретоп. Он ведь только это, да еще кому-нито мордалезу начистить, вот и вся его жизнь богатырская. Да, еще ковш браги три раза в день. Так что бабока, не обессудь, кто не успел, тот в канаве оказался.

- Че борначит!? Я тебя спрашиваю, кто в салоне за старшую остался? Кто бдит и гимны поет?

- Бабока! Сейчас день-деньской, а жизнь в нашем салоне начинается ночью. Сняла я боевое охранение. Ведь из бара не вылезают, буферизацию они, сучки, проводят. А потом плати им еще за это душлоны сверхурочные. Несусветные драпуги! Храпят, сопят, силуэтчицы. И пусть храпят. Через час вернусь, рота подъем, и начнут всем отрядом до утра хореографические этюды выправлять, нам с тобой на хлеб с маслом зарабатывать.

- Васька вылечилась? – Первый раз осторожно подает голос богатырь Илья. Женщины Яги, как по команде, начинают сверлить его взглядами.

- Демоницы! – Корчится Илья.- Спросить нельзя! Пепенки! Я кавалер Биби - кровь шарфа! Молчать! Да перестаньте, девушки, а то возьму сейчас палицу...

Антонина берет палицу, та рассыпается в труху прямо в ее руках.

- Каку таку палицу?! – Иронизирует она. – Палицу. Энту, что ли? Вот ты, Илья, вот вроде уже зрелый отрадный бимудный састрел. 33 года в мае кибичит. Ну так давно бы уже и женился на ком-нибудь из оронских, детей завел. Оронят. А то только с нами можешь. А без нас – не можешь. Как так-то?

- Это ты меня спрашиваешь? – Гневно орет Илья.

- И не говори, - вступает старшая Яга, не обращая внимания на вопль, - все пьет да гулят. И еще об кому-нидь по морде дать. Вся ничатка тут, больше и нет ничего. Уфугай, что тут бакланить еще. Ваську он вспомнил! А когда болезтью-прелестью награждал, ниче не помнил, а?

- Мы тут профсобрание собрали, - смеется Антонина, - говорим: расскажи, девушка сиюминутная, как такая плютотень с тобой приключилась-создалась? Илья-богатырь, да? Он мириклюкнул в День труда? Так она заливается, ниче толком в ответ не говорит, талдычит только: ужаси какие прелести, можно пивка еще. А то мы не знаем, что это она херес залакировывает. Нет, бабока, надо салон переносить. Вот, на той стороне Луны у нас сколько земли? Или не земли? Луны. Давай туда сэкстраполируем, а, родная? А что касаемо Ильюхи... Так понятно все. Мы-то с тобой, бабока, уж сколь веков ябздун-травой вставляем. Со времени времен. Потому, ничняточка, и не боимся ниче, ниче нас не берет. Ну и какая тут на хер Василиса, скажи ты мне на милость! Ситуэйшен, а?! Лаввуменс. Ту.

- Двое. Организованная группа. Криминальный инцест. Групповуха западлючная. Бабауля паровоз. – Илья, похоже, страх потерял.

- Так. – Антонина с горечью смотрит на него. – Былинник, мря, речистый. А про заем в Перекрастизбабанке не забыл? Скоко у тебя там?

- Ты это, Тонька. Ты молчи, не загоняй в угол. Ты че, это, из агентства, чо ли? Из этого, тьфу, вылетело,...

- Мордобойного. Дурак ты, радость моя. И банк, и агентство – мои. Через офшоры купила, уж год как. А вот не знал, значит, работает, зачучуха.

- Че это за чучуха?

- Идеологию у Кольки-корейца вызнала. Характер вызнала...а он прощения не попросил....Тьфу ты, узкоглобик... Я ему погоняло дала: «чамканман йо». «Минуточку», по ихнему. Такой, понимаешь,... экзистенциалист..., чуть что – «минуточку»! И уплыл куда-то. И ищи ветра в поле. А девушки может ишо хочут, тогда как? У, морды за такое бить надо. Все равно когда-нибудь попадет на пехло. И завьется в тесной печурке огонь, мы же не графини, мы и корейцем не побрезгуем. Такой, понимаешь, интернационал иногда из трубы закурится, что хоть стой, хоть падай. А заем возвращай, Илья. Тут тебе, молодец, даже собственник не поможет.

- Погодь, - осторожно шепчет старшая Яга, - Тонька, так этот банк, чахруевый, перекрест который, твой, однако, получается? Так это ты у нас поцока крашена получается? Так это от тебя эти коллекторы в мою на курьих ногах башенку сунулись. Вон, видишь, два пня?

- Бабока. Это бизнес. Тем более, финансы...

- Ах ты мартинока серавная! Ах ты змея подколодная! С родной бабки бабки драть. Да еще с этими...

- С неумолентами, - угодливо вставляет Илья.

Женщины замолкают и смотрят на него. Илью вновь начинает корежить. Яги отводят взгляды. Антонина деловито говорит.

- Значит-ца так, бабока. Ты взяла 6 месяцев назад 300 000 тысяч под 14 неумолентов. Так?

- Так.

- Я тебе просчу неумоленты. Но ты больше с этим поцем никаких, чтобы даже куретопов, скряшных там, не скряшных... Ми фас понимай?

- Я, я. А пофилистонить-то можно? А то скушно бывает вдругорядь, а ровни-то в лесу уж нет. Все в печь ушли.

Антонина прыскает. Бабка чихает.

- В печь! А из печи?

- А ты, внучка, хоть и пикатая, а бояться должна. Потому как это закон природы. Биологическая цепочка, пищевая. Хочешь, не хочешь, а исть-пить надо. А с поцем антиресно даже.

- Антиресно! Я ему кажные полдня райские кущи устраиваю. Правда, он их че то за ад держит. Нет, бабока, горя он еще не видел! Впереди у него, горе-то.

- Че такое?

- Да. А че... Я еще когда девкой была, дак он надо мной пристинивал.

- Да ты че! Дак что ж молчала-то?

- А че филистонить зазря? Что бы ты изделала, когда сама кажну ночь... Из коттеджика твоего ногастого каки вопли-то раздавались! А он днем придет, вот сюда, на опуцку энту, и ну меня обласкивать, лесить да куролесить. Нет, ниче такого, буркалами да лапами обходился. Доведет до перекуя натурального, и молвит: дескать, Антонина, есть у тебя цервонцы золотые. Займи один на полвека. Я давала, без неумолентов и бересты нотариальной. А он возьмет, на зуб попробует, цыкнет вон в дырку-то... А ну, покажь бабоке дырку, богатырь боблатый... Вот, бабока, цыкнет в нее, баю, а потом, пасть поганая, и молвит: «А все равно, говорит, Антонина, женщины я в тебе не вижу!» Ну и как после такой юности на сексуальной почве было не затурунится! Вот не поверишь, бабока родимая, в подушку рыдакала-калякала... Жарки вот, в энтой тайге витимской, бывалоча, никли. Через пару веков на «сотбисе» выставим.

- Кого выставим? Жарки? – Не врубається Баба Яга.

- Кого, кого... Не кого, чево. Каки жарки? Цветы, однако, у их и жизнь-то полтора дня. Копейки в Лондоне никто не даст. Подушку, конечно. Артефакт былинный, ему цены не будет. Думаю, тыщ за триста уйдет.

- Валюта? – Быстро спрашивает Илья.

- А тебе како дело будет?

- Дак как? Рыдакала-калякала-то через меня. Неумолент надо будет заплатить, хозяйка.

- А че ждать? Давай, прямо чичас и заплачу. Где тут у нас побрякушки? Сщас мы их оборвем, грушки-побрякушки синие, проклятье народное! А потом уж и расчет будет. Драмистуд! Драмистуд! Иди сюда, фулюган эгообразный.

- Да вы че, Яги, сдурели сегодня?! То хореография, то грушки-побрякушки... Че, дел других нет, чо ли? Отойди от мени, картинока серавная!

- Иди сюды, я казала!

- Тонька! – Одышливо и трагически шепчет Баба Яга. – У тебя откудова цервонцы царские? Отвечай, паршивка кудреватая!

- Митреватая, - опять угодливо вставляет Илья, - у ее, бабауля, в каждом селе окрест по Митяю имеется. Таков ее ведьмин ненасытный кураж-принцип! И что бы на это сказал тот же Лев Николаич?! А цервонцы московские, тамотко она первоначальный капитал раздобыла. И кто таперя скажет, как! Токо Пушкин, а и того басурмане извели. Закатилось солнышко русской поэзии. Так что Тоньку-то особо не прижучишь, бабауля. Да у ее вообще ДШК на огородах закопан, мля! Какие на хрен свидетели первого миллиона! Вот и Александр Сергеевич под ее, ведьмину, руку, не иначе, попал. Тот хранцужичко-то так себе был. Один кок да понт устюгаемый. Неет, это не Дантес-Шмантес, это ты, Антонина... И вот энтому уже свидетель имеется – Валентин, свет Непомнящий... Этот завсегда телом здесь, а душой тамотко. Он авторитет поконешный. Тонь, скажи – поконешный.

- Поконецный.

- Эх, родимая. И по ево, тебе ведь цо не поручи, ты из всего пир во время чумы устроишь.

Баба Яга смотрит на богатыря и чешет клешней в затылке.

- Антонина. – Задумчиво говорит Баба Яга. – А ведь Илья тебя грамотно сливает. Умеет, как приспичит. Как будто и не занимался этой поганкой... э –э... как ее... вспомнила, фэнтази. Так все потом в народной памяти и останется. Задолбали эти мифы. Так что, пожалуй, пора бабягушить молодца. Ты за цервонцы потом отдельно ответ держать будешь, а щас... Конечно, мера нечеловеческая, так ведь и он не совсем хомо сапиенс. То есть, хомо, конечно, но с большой трипиздью, да. Ниче, ниче, унучка, а то потом-то поздно станет. Ну так че, с маклявок начнем, а, родная? Они куды как качественно память отбивают. Через час агукать начнет, богатырь наш боблатый. Давай макушку-то, поц раскудрявый. Да не дрожи, не дрожи, после десятой уж ничего и чувствовать не будешь. Анафест, словом. По ихнему нирвана. А когда свет в конце трубы покажется, так ты, мокруй подмосковный, хрюкни. И ниче тут антигуманного, никаких таких преступлений против человечества. Наша, ведьмачая, лоботомия, можно сказать, народная, она наскрозь любовью к пациенту пропитана. А вот Иван Васильевич ваш разлюбезный, сейчас бы дыбу сноровил прямотко здесь наладить, и обязательно щипцами раскаленными... Ну, ето, конечно, еще дурная болезнь мозги ему хорошо впрятывала ... Вот так! Вот так! Потом еще на конюшне Матвей вожжами чуток поправит, он завсегда мои чудрюки правит, и полный кажинн будет... Кажинный раз, на эфтом самом месте... Это хто к нам жалует-пожалует? Без звонка, че, опять на мобиле ни копейки ни у того, ни у другого?! Че за стрелка така странна? А мы тут с унучкой безумствуем помаленьку, ага.

На поляне появляются медведь Конекбрат и кот Урблум. Они не доходят до Яг и Ильи метров десять, тормозят. Издали Урблум спрашивает.

- Что-то вы, уважаемая, сегодня строги больно. Не слишком ли радикально? Не так их уж и много на Руси, Ерусланычей.

Баба Яга досадой отпускает Илью, тот по собачьи отряхивается.

- Вот тебя, мля, не спросила, дулбулонец драный. Идите куда шли. Поди на лекцию, в эту свою, КПЩЬЮЭ. Угадала?

- А вот и нет. С этим покончено, враз и навсегда.

- Че так?!

- Разошлись на морально-философской базовой основе.

- Ну-ка, ну-ка, ссыкунец. Расскажи Ягам, че это за основа.

Кот разворачивается уходить – он обиделся. Яга говорит.

- Урблум. Котофей. Вот уж не ожидала от тебя обидок таких. Сразу видно, что хоть и авторитетный ты кот, но не доподлинно расейский. Видны, заметны, ирландские куморочи. Иначе бы знал, что в стари изначальной ссыкун был одним из самых приближенных слуг царя-батюшки. Должность такая, а не то, о чем, отец мой, ты подумал. Ночной горшок вовремя доставал и убирал. Што ты! Агромная честь! Но и ответственность была. А не дай Бог не успеет слуга любезный, обоссется помазанник, ну и всей семье ссыкуна тогда секир-башка. Но ничо, жили, работали. Уберет горшок, бывалоча, и к бересте – до утра грамотки кропает. Драмы, прозы, аналитики... Ну, вроде как царю справочки. Чо, кто, зачем и почему. Нынче ссыкуны цвет нации составляют: поэты, художники, писатели. Антиллигенция, короче.

- Говно это, а не антиллигенция, - ворчит Илья. На лице у него улыбка до ушей.

- Молчи, убогий, - строго говорит медведь Конекбрат. – Вот из-за таких, как ты, Ерусланычей поганых, и погибла Родина. Военспецы мудачатые.

- Че ты, че ты, - затараторил Илья, - какой я военспец! Я в Крыму остался, да, не успел на последний борт, так меня эта сука хроногнойная, Землячка, чуть было сначала в подвалах не уморила, а потом к стенке повели когда, я уж и раскрылся... Короче, употребил сказочный ресурс, слинял, и Черно море переплыл. Потом в Константинополе ох намаялся... Нет, ну был мандат, конечно... Без него как?! Без него даже золота рыбка не помогла бы.

- Тьфу! – Плюются обе Яги. – Сука ты все же Илья, а не матрос. Вот зачем ты, Урблум, помешал. Счас бы новый человек был, с мозгами ясными, незамутненными. Ладно. Так че, все таки, с КПЩЬЮЭ? Расскажи. А то, может, уже горизонт черен от туч? Может, уже надо перевозить в енотовой шубе цервонци наши в Бенилюкс?

- В шубе? – Удивляются меря.

- От ты погляди на них! Чудь беспросветная! А как вы таможенный пост в Шереметьеве с такими эквивалентами проходить собрались?

- Как?

- Так ото ж. Вы бабку то слушайте. А – а- а- пчи – фру! А – а – а – пчи – гру!

Ребята тактично и терпеливо стоят, пережидают.

- Яга! Уважаемая! Просветите! В будущем может пригодиться.

- Не может, а может. Значитца, так. Вшиваешь цервонци в огромную енотовую шубу, пьешь подряд два стакана водки, закусываешь квашенной, и , когда к тебе таможенник горибнется, говоришь: «Пшел вон, смерд. У-у-у, семя холопское! Распустились у границ! Сиди и не питюкай.. Иначе ...» Они даже не ждут – что иначе. Обычно отворачиваются. Ну, если быть точной, от трости уворачиваются. Тут уж кого достанешь... Шуба-то с цервонцами, шибко не развернешься. Ну, а если уж попался холоп, тады ой, виноватых нету... У меня трость на заказ, из сибирской лиственницы, железо, а не трость, духодольцы

вы мои милаи. Кричат: помилуй, матушка. Один только на памяти все упорничал, не пропускал. Дак я его скрозь этот зеленый коридор пару раз прогнала. Шипит: Салтычиха, а штамп ставит, гангкудка, куды ему деться. Да. А потом летишь себе в родимую Голландию. Не зря из нее Петруша-то, было время, не вылезал. А ты как, Конербратка, после вчерашнего? Ты уж прости, унучку-то. Она как лучше хотела. Не знала Тонька, что ты этот... целкобакст. Прости, ежели как не так в зиккурат зашла. Привыкла, понимаеш, все через задний вход. Ну так она же все же зенчина!

- Кто женщина?! Антонина женщина?! – Ревет Конербрат. – Да таким женщинам, как она, только у андронного коллайдера сначала пакостничать, ага, а потом с веником убираться, а не интимную сферу ладить. Зиккурат! У –у –у шалава дремолесная! Сщас задеру, мартиноку серавную, и пусть кончатся времена времен! А ты че лыбишься, колобок портяношный, богатырь боблатый! Че ты все время лыбишься...

- Кип смайлинг, - удерживает кот медведя.

- Да какой кип смайлинг, - довольная, что отвела разговор от внучки, Баба Яга, - это от моих маклявок побочный эффект. «Улыбка колосатая», называется. Сщас мы ее...

Баба Яга дает Ильюхе какой-то странный подзатыльник, и тот перестает лыбиться. Он становится серьезным и деловым. Спрашивает.

- Так что, граждане, у вас там все же в КПЩЬЮЭ приключилось? Если не секрет.

Кот Урблум и медведь Конербрат молчат. Потом котяра говорит.

- Так они Создателя не боятся. Да даже не то, што не боятся, а супротив концепции строят.

- Вот и вкладывайся после этого в высшую школу, - с досадой говорит Антонина, - а поконкретнее можно, хралупастики?

- Понимаете, ведьмочки разлюбезные, у них в каждый курс вложен постулат – «надуй конкурента». Ну, обертка разная, а смысл всегда этот. И даже если в собственной маме конкурента почувствуешь, то и ее жалеть нельзя. Иначе бизнес не имеет смысла. Короче, как писал один поэт: «как увидишь конкурента / на...би его». Ну, вот так. А если тебя... на...би! И без точек, в натуре! Че-то нам это запаadlo.

- Ну да. – Задумчиво говорит Баба Яга, - Не зря он тогда с лотками-то у храма так круто... Я еще удивилась, такой был спокойный мужчина, а вот и он не выдержал. Помял малехо менял очковатых. Согласна, эти кого угодно достанут. Потом, правда, все все перекопытили. Ну, это уж потом, через времени тьму.

- И эх, - сквозь слезы молвит Антонина, - царица небесная, ну их к едреной бабушке, эти оффшорные активы. Забирай, бабока, делай с имя, че хошь. Вот и глаз дергает, космос, однако, свой кismet посылает. Или инсайт. Ой, чур меня, передчур! Я, бабока моя золотая, вот только салон себе оставляю...

- Знаем мы твои кismetы. Инсайдерскую инфу уже из вселенной начала скачивать...

Здесь Баба Яга заходится в непрерывном чихе. Все стоят, переминаются, терпеливо ждут.

- Времена! – Шепчет медведь Конербрат коту Урблumu. – Унучка на бабку...

- Пра пра пра на пра пра!

- Дак че. Русь. Мы сами-то... Старина. Брат.

- Брат. Старина.

- Тонька, кублюга сатанинская, подстилка бесовская... Проклянy! И даже не дергайся за пулеметом!

Чих прекращается. Тишина.

- А и то, - кивает головой довольная Баба Яга, - салон – это друга опера. Салон, он же потомственный, семейный, фамильная традиция, вглубь уходит, в нем еще Анна Павловна Шерер скурлытничала, а потом Александр Иванович «Яму» начинал записывать.

Накоробчит, бывалоча, страничку-другую, водочки попьет... Эх, золотое время. Да че. Надо, надо страну поднимать. А то весь цивилизованный мир уж от зависти воет – че, это, дескать, они недра насилуют! Да кого хотим, того и насилуем. Погодь, и до вас дело дойдет. Начнем скоро кряжить-коряжить. Опять спрошу, куда силуэтчиц девать? Не на улицу же. На улицах и без них полное ку-ку. Мы, роттитить, не английские премьеры, мы себе этого позволить не можем. Вот народ некоторый в печь советует, дак большие сомненья. Тут не только головой, душой решать нужно. Русские мы Яги. И весь сказ на том.

Апрель 2012